

ИЗ ТОЙ СТРАНЫ...

Вам пишут «артисты», которым повезло. Мы ставим пьесу В. Орлова. Мы еще не показывали ее зрителям, но если мы сыграем ее так, как она написана, то зрители ее поймут. Нам кажется, ее должны понять люди от трех лет и до... самых старых пенсионеров.

Расскажите, пожалуйста, о В. Орлове. Как живет? Над чем работает?..

Жанна, Лариса, Леша, Толик.
г. Гомель.

Это отрывок из письма, которое пришло в наше книжное издательство. О своем любимом поэте хотят побольше узнать также крымские мальчишки и девчонки. С просьбой рассказать об Орлове обращаются и взрослые читатели. Пересылает сюда подобные письма редакция детских передач Всесоюзного радио.

Мой рассказ для всех, кому интересно, «из чего скроен» поэт, пишущий для детей. Рассказ не юбилейный: порог, когда с уверенностью говорят о зрелости человека, В. Орлов уже перешагнул, а до того, когда желают бодрости, ему еще далеко. Книг, написанных им, сейчас почти столько же, сколько лет за плечами. Да еще три мультфильма, тринадцать пьес и несчетное количество пионерских рапортов, приветствий, эпиграмм, песенных текстов, которые, теряя своего автора, сразу же обретают тысячи исполнителей.

Рассказ пишется без конкретного повода, хотя за него можно было бы принять и новую книжку «Доброе дерево», и только что записанную пластинку «Веселые грибы», и новогодию премьеру его пьесы в Севастопольском театре имени А. В. Луначарского. Просто читатели письма сделали необходимым то, что давно хотелось осуществить: еще раз встретиться с хорошим поэтом и веселым загадочным человеком.

Только он хитрый. Часами будет рассказывать, а о себе —

ни слова. Начнешь расспрашивать — свернет в сторону. Знаешь, надо отправляться к нему домой, чтобы увидеть в той обстановке, которой он себя окружил, в которую врос, где ему так славно пишется. Вещи и предметы тоже ведь умеют говорить.

Нажимаю на кнопку звонка. «Открыто! Входите!» — доносятся из квартиры. Толкаю дверь. И тут же слышу команду: «Джюля, критик!» Под ноги мне бросается что-то черное, лохматое, и в одну секунду я оказываюсь вновь на площадке: с детства панически боюсь собак. Вслед за Джюлей (потом выясняется, что черную любимицу зовут Джульеттой) со всей подвижностью, на какую способен, к двери устремляется хозяин. Извиняется за шутку, делает вид, что смущен, но по лукавому взгляду и склоненной набок голове вижу, что доволен своим розыгрышем.

Да, без подначки, розыгрыша он жить не может. Будто сидит в нем какой-то бесенок и нет-нет высовывается наружу. Посреди самой серьезной беседы не моргнув глазом он вдруг пискает котенком либо проверещит что-нибудь механическим голосом, говорящей куклы. Ребяты счастливы, тут же включается в игру, а взрослые по-разному реагируют, у кого как с чувством юмора...

Так вот, значит, как он живет. Обычная, уже тесная для выросшей семьи квартира. Обычная мебельная стенка. И

шкафы, конечно, сверху донизу набиты книгами. Но что это? Кто это там, на серванте? С круглыми детскими щеками, в очках, приспущенных на кончик носа? Такое знакомое лицо... Да это же сам Владимир Натанович. Только не больше... моего сапога. Опять шутка?

А сзади голос:

— Ну, как? Хороша копия? Харьковский театр кукол на юбилей преподнес...

Нет, он так и не стал взрослым. Взрослые смеются и шутят с оглядкой: уместно ли, ко времени ли? А он беззаботен, как дети.

Свою творческую биографию рассказывает приблизительно так:

— Первые свои стихи написал в первом классе. Четыре строчки. Мечтал стать летчиком, ну, и стихи про это сочинил. Одну строчку помню: «...и взмыли в небо «ястребки». Это мне учительница недавно напомнила. Ну, вызвала она меня тогда к доске записать стихотворение. А доска была вращающаяся... Закончил я писать и от радости всади в конце такую точку, что доска развернулась — и мне по лбу. Имел, конечно, большой успех. Запомнилось, что после стихотворения должны смеяться.

Когда первые стихи принес в издательство, редакторша его очень «обидела». «Это не для взрослых. Детские стихи!» — сказала она, и он испугался, что не сумел написать настоящих взрослых стихов. Не мог он тогда понять, что опытный редактор прозорливо разглядела в нем детского поэта. Но стихов для книжки было недостаточно, и она засадила его за работу, буквально закрывала у себя дома на замок, когда уходила в издательство. Возвращаясь, проверяла написанное.

ПО ВАШЕЙ ПРОСЬБЕ

Так родилась первая книжка «Тимошкина гармошка».

Про гармошку он вспомнил не случайно. Гармошка была мечтой детства. У родителей не хватило бы денег на такую дорогую вещь. И ее приобрели на его первый гонорар. Правда, за деньгами молодой поэт уговорил сходить отца: ему казалось невозможным получить плату за стихи. Ведь это ему повезло, что его опубликовали. Он прятался в подъезде напротив газетного киоска и подглядывал оттуда: обращают ли внимание люди на его стихи, когда покупают газету... А ту гармошку заветную он и сейчас достает, как только у него собираются друзья. Люди к нему очень тянутся, особенно молодые, дети. Про такой дом, как его, обычно говорят — «проходной двор».

Наверное, нужно очень бережно помнить свое собственное детство, чтобы понимать и ощущать чужое. Детей не проведешь. Они сразу чувствуют, когда с ними заигрывают. Они не впускают чужаков в страну, где «на дорогах разные истории случаются и бегают фантазии на тоненьких ногах». И не разберешь теперь, кто у кого подслушал — Поэт у детей или дети у Поэта — рассказы про Клашу, которая не ест кашу «просто так без простокваши», про ворону, у которой «кар-р-аул! кар-р-ман укр-р-ради!», про пуделя, который выводит старушку гулять... Да, они говорят на одном языке. И, как дети, Поэт имеет право утверждать: «Понимаю и зверя и птицу, и они понимают меня...»

Маленькие читатели сами показывают ему тайной ход в страну, где они — полновластные хозяева. Сами вручают ему заветный ключик. Кстати, о «Золотом ключике». Я, например, в своем голодном послевоенном детстве была несколько разочарована этой ска-

зкой. Помните? Ключик открывал дверцу, спрятанную под разрисованным холстом. На том холсте на ненастоящем огне варилась ненастоящая баранья похлебка. И я ждала, была уверена, что за дверью окажется комната, наверное, столовая, где выставлены все кушанья, какие только есть на свете, бесплатно и для всех. И только, когда выровнялась, похорошела жизнь, стало понятно, что мечтала я о малом. Настоящие же сказки рассказывают о большем — о мире, где все свершается по высшим законам Добра и Справедливости.

Таковы сказки и стихи Владимира Натановича Орлова. У него даже каменный артековский Медведь, пожелавший вернуться в лес, спешит назад, на свое место, чтобы не расстраивать ребят, ведь у него не каменное сердце... А у самого Орлова оно и вовсе, как у ребенка, — сопереживающее всем и всему. И глаза, как у ребенка, не устающие смотреть и удивляться. Только так и можно увидеть Чудеса. А они в каждой строчке, на каждом шагу. «Знаете, ребята, что случилось? — спрашивает он. — Солнышко на землю опустилось».

И все это с улыбкой, юмором. Он мастер излекать шутку из всего. У коровы, оказывается, должно быть цветное молоко, потому что она ест разные цветы. А как наглядно и занятно рассказано о постирушке, которую устроил ветер, развесив для просушки тучи. И разве можно не улыбнуться, прочитав о том, как прищипывает море, положив на берег розовую щеку...

Думается, В. Н. Орлов давно заслужил награду, подобную той, которую придумали когда-то польские ребята — «орден Улыбки. Он вручается авторам за самые смешные, самые добрые произведения для детей. А у него хорошие веселые книжки, которые учат добру. Г. МИХАЙЛЕНКО.